DOI: 10.15593/perm.kipf/2020.3.07

УДК 930.25(470.53)“1941–1945”

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И СПАСЕНИЕ ЭВАКУИРОВАННЫХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.В. Глушков

НИУ ВШЭ, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 7 июня 2020 г.
Принята: 17 сентября 2020 г.
Опубликована: 16 декабря 2020 г.

Ключевые слова:

СССР, Великая Отечественная война, архивы, архивисты, г. Молотов, Молотовская область, эвакуация, реэвакуация, Государственный архив Российской Федерации.

АННОТАЦИЯ

Эвакуацию промышленных предприятий и населения на территорию Молотовской области (Пермского края) в годы Великой Отечественной войны можно считать одним из хорошо изученных сюжетов. Спасение из прифронтовой полосы людей, прежде всего детей, а также оборудования промышленных предприятий было приоритетной задачей для государства. Однако не менее важной задачей являлась эвакуация материальных ценностей и документов государственных архивов. Одним из центров эвакуации архивного наследия в 1941–1942 годах стал г. Молотов (Пермь).

На основе анализа неопубликованных материалов из фондов Государственного архива Пермского края раскрывается ряд аспектов деятельности молотовских архивистов в годы войны, связанных с сохранением эвакуированных документов Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР СССР) и ряда районных архивов Ленинградской области. Эвакуированные материалы начали поступать в г. Молотов в августе 1941 года, и уже в 1942 году это имело серьезные негативные последствия для деятельности Государственного архива Молотовской области (ГАМО). Обеспечить лучшие условия хранения для эвакуированных архивных материалов архивисты могли только в ущерб сохранности местных материалов и собственной работе. На длительный период архивисты фактически вынуждены были свернуть справочную и научную деятельность, а также работу по приведению в порядок собственных архивных фондов. Условия хранения материалов по истории Прикамья, и без того оставлявшие желать лучшего, значительно ухудшились. Вместе с тем плановые показатели по основной деятельности в этот период снижены не были, что, с одной стороны, привело к перенапряжению сил молотовских архивистов, с другой – к явному недовольству начальства работой ГАМО. И все же свою главную миссию в военный период – обеспечение сохранности эвакуированных документальных материалов – сотрудники архива выполнили с честью, а реэвакуация материалов ЦГАОР, проведенная в марте 1944 года, постепенно позволила им вернуться к довоенным условиям работы.

© ПНИПУ

© Глушков Александр Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, e-mail: aleksandrvglushkov@gmail.com.

© Aleksandr Vladimirovich Glushkov – Senior lecturer, Candidate of Sciences in History, Department of Humanities, e-mail: aleksandrvglushkov@gmail.com.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

STATE ARCHIVE OF MOLOTOV REGION AND PRESERVATION OF THE EVACUATED DOCUMENTS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Aleksandr V. Glushkov

Higher School of Economics, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 07 June 2020
Accepted: 17 September 2020
Published: 16 December 2020

Keywords:

USSR, The Great Patriotic war, archives, archivists, Molotov, Molotov region, evacuation, re-evacuation, State Archive of the Russian Federation.

ABSTRACT

Evacuation of plants and population to the territory of Molotov region during the Great Patriotic War is one of the well-researched episodes. Removing from the frontline people, especially children, as well as the equipment of factories which played an important role in the USSR defense industry was the primary task for the authorities. The evacuation of cultural values from the country's leading museums also played an important role. At the same time, in 1941-1942 Molotov also became one of the centers receiving the document from different archives. Based on the analysis of the archival materials it is revealed some aspects of the war period archivist's activity connected with the preservation of evacuated documents of the Central Archive of October Revolution and some archives of Leningrad region. The evacuated materials began to arrive in Molotov in August 1941, and already in 1942 this fact negatively influenced the work of the Molotov Region State archive. The archivists of Molotov could provide the best conditions of the evacuated materials storage only to the detriment of the local materials conservation and their own work. For the long period the archive was practically forced to stop the reference and scientific work, as well as the systematization of the archival funds. But the core targets of the archive at that period were not reduced by the authority, which led to archivists' overstrain and discontent of management. At the same time, the key mission – safekeeping of the evacuated documents – was accomplished by the archivists. Re-evacuation of the materials of the Central Archive of October Revolution made in March 1944 allowed Molotov archivists to return to the pre-war working conditions.

© PNRPU

Тему эвакуации населения, промышленных предприятий и материальных ценностей из прифронтовой полосы в тыловые районы Советского Союза можно считать достаточно хорошо изученной. Не является исключением и Пермский край: каждый юбилей Победы актуализирует вопросы, связанные с ролью тыла в разгроме фашистской Германии, добавляя к уже известному материалу новые факты. Между тем большая часть опубликованных исследований касается эвакуации в Молотовскую (Пермскую) область промышленности и населения [1], в то время как тема спасения архивного наследия до последнего времени практически не поднималась. Этот факт делает тему исследования актуальной, тем более что аналогичные сюжеты ранее уже рассматривались архивистами ряда регионов, так же как и Молотовская область, ставших в 1941–1945 годах крупными центрами эвакуации [2, 3].

Историю эвакуации документальных материалов в г. Молотов в период Великой Отечественной войны можно проследить по документам фондов р-3 (ГКБУ «ГАПК») и р-121 (Агентство по делам архивов Пермского края) Государственного архива Пермского края (ГАПК). Осенью 1942 года сотрудники Государственного архива Молотовской области (ГАМО) узнали о скором прибытии в город материалов Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР). В начале войны документы, занявшие впоследствии половину площадей ГАМО, были эвакуированы из Москвы в г. Энгельс (Саратов), который летом 1942 года также оказался в непосредственной близости от района боевых действий. Когда город почти ежедневно стал подвергаться налетам вражеской авиации, было принято решение о повторной эвакуации размещенных здесь документальных материалов в Молотов и Шадринск [4, с. 63].

Эта страница в истории эвакуации документальных материалов в Молотов в годы войны является наиболее известной, однако еще в августе 1941 года в Молотовскую область были эвакуированы документы ряда районных архивов Ленинградской области – Молотовицкого,

Вознесенского, Новгородского, Валдайского, Лычковского, Дедовичского, Солецкого, Пестовского, Крестецкого, Старорусского [5, л. 1.]. Архивные материалы поступили в виде 13 связок с документами, а также в нескороаемых деревянных ящиках, железных ящиках и даже кованых сундуках [5, л. 1.]. Что характерно, материалы были приняты без осмотра содержимого, а их инвентаризация состоялась только весной 1944 года силами научных сотрудников ГАМО. В ходе проверки выяснилось, что кроме архивных документов в Молотов в начале войны были отправлены различные инструменты и приборы – ветеринарные, арифметические т.д. [5, л. 5]. Всего, как указывала в октябре 1944 года исполняющая обязанности начальника ГАМО Л.П. Шардина, из Ленинградской области в Молотовскую за годы войны поступило около вагона различных материалов, реэвакуация которых не производилась вплоть до конца 1944 года [5, л. 23].

И все же гораздо больше повлияла на работу ГАМО в годы Великой Отечественной войны эвакуация документальных материалов ЦГАОР, начавшаяся в сентябре 1942 года. По воспоминаниям Л.П. Шардиной, написанным в 1975 году, «в один из осенних дней 1942 г. к начальнику Управления Внутренних дел по Пермской области (*так в документе – А.Г.*) срочно были вызваны начальник Архивного отдела и заведующий архивом. На экстренном совещании было сообщено о решении правительства, и обсуждался вопрос о возможности размещения документальных материалов трех архивов: ЦГАОР, Красной армии и Центрального исторического архива. Пермский областной архив (*так в документе – А.Г.*) должен был принять и разместить документы ЦГАОРА» [6, л. 1.]. Для размещения документов в архиве необходимо было в течение суток освободить хранилище от документов ГАМО, а именно: снять все материалы со стеллажей и поставить их в проходах. Освободившиеся стеллажи должны были занять документы ЦГАОР.

Для того чтобы представить себе последствия решения об эвакуации материалов ЦГАОР для областного архива, достаточно привести характеристику помещений ГАМО, приспособленных для работы. В годы войны архив занимал часть каменного одноэтажного здания по Комсомольскому проспекту, 43а, между стадионом «Динамо» и садом им. Горького¹. При здании имелись закрытый магазин и столовая [7, л. 10.]. Однако общие условия работы оставляли желать лучшего: часть крыши и потолки здания уже тогда имели серьезные дефекты, вследствие чего неотапливаемые помещения часто промерзали. Хотя в рабочих помещениях архива имелись голландские печи, стены комнат все равно отсыревали и покрывались инеем. «Условия работы в архиве были тяжелые, – вспоминала Л.П. Шадрина. – Архивный отдел и архив занимали три небольшие комнаты, хранилище документов не имело ни отопления, ни освещения. С наступлением темноты для освещения пользовались керосиновыми фонарями. Документы размещались на стеллажах, но из-за чрезмерной высоты стеллажей пользоваться ими было трудно. Документы в хранилище промерзали и прежде чем можно было с ними работать, приходилось “оттаивать” их у печек в рабочих комнатах. Да и те из-за недостатка дров отапливались недостаточно, и поэтому сотрудники обогревались песочными грелками» [6, л. 1.]. Таким образом, становится ясно, что сотрудники ГАМО и без того испытывали серьезные бытовые неудобства, которые лишь усугубились после эвакуации документальных материалов в Молотов.

Л.П. Шадрина достаточно подробно описала процесс доставки материалов ЦГАОР в здание архива. «Для размещения документов в архиве необходимо было в течение суток ос-

¹ В ряде документов этого периода встречаются другие адреса здания, в частности Комсомольский проспект, 43/1 и ул. Краснова, 23.

вободить хранилище от своих документов, т.е. снять все материалы со стеллажей и поставить их в проходах между ними, а на освободившиеся стеллажи поставить документы архива октябрьской революции» [6, л. 1], – вспоминала бывший директор архива. По ее словам, для оказания помощи сотрудникам архива была выделена воинская часть УМВД по Молотовской области. «Все проходы были загружены документами областного архива. В рабочих комнатах были срочно сооружены так называемые антресоли для размещения документов, не разместившихся в проходах. Учет документов и топографирование проводились наскоро. Главная задача была – подготовить вовремя помещение для эвакуированных документов. Работа была выполнена в срок. На исходе суток в архив сообщили о прибытии на станцию Пермь II 65 вагонов с ценнейшими документами. День и ночь в течение двух суток под руководством сотрудников центральных архивов и под охраной милиции шла разгрузка вагонов. Одна за другой нагруженные брезентовыми полотнищами машины отправлялись со станции Пермь II в разные направления города. Документы центрального архива Красной армии размещались во второй части пожарной охраны по ул. Орджоникидзе, документы Центрального исторического архива – в здании во дворе горисполкома. Документы архива Октябрьской революции, как и было решено ранее, начали поступать в пермский областной архив» [6, л. 3]. По воспоминаниям Л.П. Шадриной, уже после разгрузки последней машины обнаружилась пропажа одной коробки с документами, которая впоследствии была найдена в канаве на повороте к зданию архива от стадиона «Динамо» [6, л. 3.]. Ценным свидетельством являются и сведения о том, что вместе с эвакуированными материалами в Молотов прибыли и сотрудники ЦГАОР, оказывавшие помощь при систематизации документов. При этом остается невыясненным, как долго московские архивисты пробыли в Молотове.

В результате эвакуации значительную часть материалов ГАМО «пришлось уложить штабелями кое-где даже между стеллажами и вдоль наружных стен», что существенно затруднило текущую работу архива [8, л. 6]. Согласно циркуляру Главного архивного управления (далее ГАУ²) НКВД СССР от 17 августа 1942 года сотрудники архива должны были провести обследование состояния и сохранности вновь поступивших документов. Архивному отделу УНКВД Молотовской области (далее – Архивный отдел) было необходимо составить исчерпывающие сведения об эвакуированных документальных материалах и представить их вместе с актами в Москву, а также принять необходимые меры к обеспечению сохранности этих материалов [9, л. 3об.].

Последствия эвакуации не заставили себя долго ждать. Уже в объяснительной записке к отчету за 1942 год начальник отдела секретных фондов ГАМО Радюхина указывала, что запланированная на второе полугодие работа по рассекречиванию пореволюционных фондов и работа по засекречиванию не была проведена, так как «работники архива должны были заняться переброской материалов областного архива для освобождения площади под эвакуированный Центральный архив (ЦГАОР – А.Г.). Затем значительное количество времени ушло на заготовку дров» [10, л. 3]. 27 января 1943 года ГАУ напомнило Архивному отделу о неисполненном указании от 8 сентября 1942 г. о проведении обследования состояния и учета документальных материалов учреждений, организаций и предприятий, эвакуированных на территорию области [9, л. 1]. Впоследствии подобные напоминания будут регулярно поступать из главка. Помимо постоянного давления из Москвы, у сотрудников ГАМО были и другие трудности, связанные прежде всего с условиями хранения документов. В отчете начальника науч-

² 31 октября 1941 г. Главное архивное управление НКВД СССР было переименовано в Управление государственными архивами (УГА). Обратное переименование произошло уже в январе 1944 г. Из-за возникшей путаницы в течение всего периода войны в документах встречаются оба варианта написания – ГАУ НКВД и УГА НКВД.

но-исследовательской лаборатории УГА НКВД СССР П. Мизина, проверявшего в марте 1943 года условия хранения эвакуированных материалов, содержался вывод о категорической непригодности помещения для этих целей: часть коробок с документами при обследовании оказалась влажной. Также столичный чиновник отметил наличие плесени и мышей в рабочих помещениях [8, л. 2об.]. «По заявлению начальника ГАМО т. Фесенко, в свое время из-за неблагоприятных условий здесь были случаи полной гибели документальных материалов», – констатировал П. Мизин, отметивший, что наиболее ценные документальные материалы планируются к отправке в здание на ул. Советской, 62. Сотрудник ГАУ указал на срочную необходимость просушки помещения, истребления грызунов, а также разборки материалов с целью выявления пораженных плесенью документов. Однако выполнить требования Москвы в текущих условиях Архивный отдел попросту не мог.

22 июня 1943 года в Молотов поступило распоряжение начальника ГАУ И.И. Никитинского, в котором он указывал на резкое сокращение, а то и полное прекращение справочной работы в некоторых архивах СССР. Очевидно, речь шла в том числе и о ГАМО. «Значительная часть местных архивных отделов не мобилизует своих сотрудников на оперативное выявление документальных материалов по запросам учреждений, организаций, предприятий и отдельных граждан. Вследствие этого в таких архивных учреждениях архивная работа осуществляется крайне медленно», – сообщал И.И. Никитинский, подчеркивая, что в ряде архивов отрицательные ответы на запросы составляют 50 % [12, л. 19]. В ответ на это письмо начальник Архивного отдела Селищев отметил, что «основным затруднением в справочной работе областного архива является отсутствие систематизации и инвентаризации значительного количества фондов, что можно проводить в полном объеме только после освобождения здания архива от эвакуированных материалов и восстановления фондов областного архива на прежних местах» [9, л. 21]. Фесенко справедливо замечал, что пользоваться фондами для справочной работы, когда значительная часть документов лежит на полу в проходах, «весьма затруднительно». Вместе с тем, к чести начальника архива, он был аккуратен в своих формулировках и не всегда пытался оправдать невыполнение планов только лишь наличием эвакуированных материалов. Так, в качестве основной причины сокращения объема научно-публикаторской работы за 1942 год он назвал вовсе не затруднительное положение, сложившееся в результате эвакуации, а «плохое знание содержания фондов архива его научными сотрудниками» [10, л. 10].

Стоит отметить, что всего по состоянию на 1943 год в ГАМО было сосредоточено более 550 тысяч собственных единиц хранения, распределенных по 671 фонду, однако из них было учтено только 520 фондов [11, л. 8]. В связи с эвакуацией работа по приведению документов в порядок существенно затруднилась. В августе 1943 года начальник ГАМО В.А. Фесенко предложил Архивному отделу план распределения помещения архива между материалами ЦГАОР и собственными документами. В пояснительной записке он указывал, что до эвакуации материалов ЦГАОР в Молотов в сентябре 1942 года вся площадь архива (975 м²) была на 100 % занята материалами ГАМО. Прибывшие из Энгельса московские документы заняли 488,5 м², или 50,1 % от общей площади архива: половину комнат секретных фондов, одну из служебных комнат и помещение, использовавшееся для разборки документов [8, л. 3]. Кроме того, из отчета работы архива за 1943 год становится ясно, что документами ЦГАОР была занята даже бывшая квартира дворника и уборщицы, которых вследствие этого пришлось попросту уволить. В результате их обязанности с 1 мая 1943 года по очереди исполняли все сотрудники, «не исключая научных сотрудников, начальника архива и сотрудников отдела Государственных архивов» [11, л. 12].

В.А. Фесенко не раз отмечал, что в текущих условиях работа по приведению в порядок фондов ГАМО приостановлена полностью, а справочная и научная работа «чрезвычайно затруднены», не говоря уже о работе исследователей в читальном зале. Начальник архива прямо указывал, что годовой план работ по приведению в порядок архивных материалов ГАМО был сорван, поскольку составлялся исходя из обещания начальника ЦГАОР Фролова очистить площадь разборочной комнаты от эвакуированных документов, которое так и не было выполнено [8, л. 3об.]. Начальник архива жаловался, что в течение 1943 года двенадцати архивным работникам приходилось работать в двух комнатах общей площадью 22 м². Это обстоятельство, а также тот факт, что использовавшиеся для разборки фондов столы были убраны в дровяной сарай, затрудняли научно-техническую обработку документов. В.А. Фесенко указывал и на прямой конфликт интересов при использовании документов двух архивов для справочной работы [11, л. 8].

Между тем 7 октября 1943 года ГАУ в очередной раз указало Архивному отделу на необходимость решительных действий по обеспечению полной сохранности эвакуированных материалов. Для этого предлагалось «немедленно произвести обследование и точный учет всех эвакуированных на территорию Молотовской области государственных и ведомственных архивов» и «добиться создания удовлетворительных условий хранения документальных материалов этих архивов» [9, л. 2]. Однако из составленного в ноябре 1943 года акта осмотра помещений ГАМО становится ясно, что в текущих условиях архивисты уже обеспечили материалам ЦГАОР максимально возможную сохранность. В отличие от фондов Молотовского архива, лежавших «штабелями между стеллажами» и в проходах между помещениями, столичные документы хотя бы находились на специально приспособленных стеллажах [9, л. 13].

Реэвакуация материалов ЦГАОР, проведенная в марте 1944 года, позволила ГАМО вернуться к условиям 1941 года и продолжить работу по приведению в порядок фондов и научному использованию документов. Как справедливо отмечал известный советский архивист В.В. Цаплин, благодарности за спасение архивных документов в годы Великой Отечественной войны заслуживают не только те архивисты, которые проводили эвакуацию. «Вывезенные вглубь страны материалы необходимо было разместить в пригодных помещениях и обеспечить их охрану. С этой задачей архивисты не могли бы справиться без помощи архивных учреждений республик, краев и областей, на территории которых оказались эвакуированные материалы» [4, л. 63]. Хотя слова В.В. Цаплина носят общий характер, они в полной мере относятся к сотрудникам ГАМО и Архивного отдела УНКВД Молотовской области, которые в 1942–1944 годах обеспечивали как сохранность, так и использование документов ЦГАОР в ущерб своей основной деятельности и рабочих планов. Делопроизводственные материалы ГАМО в годы войны наглядно свидетельствуют о том, что пострадали все сферы деятельности архива, включая научно-техническую обработку документов, справочную, научную и пропагандистскую работу, приобретшую в это время особую актуальность. Можно с уверенностью сказать, что эвакуация стоила должности начальнику архива В.А. Фесенко, который вскоре после увольнения в 1944 году нашел работу в Ленинграде, оставив своим преемникам весьма непростое наследство. Вместе с тем свою главную миссию – обеспечение сохранности эвакуированных документов – архивисты выполнили с честью.

Список литературы

1. Нечаев М.Г. Эвакуация ленинградских предприятий, учреждений и населения в Молотовскую (Пермскую) область, их размещение и деятельность в период Великой Отечественной войны // Клио. – 2015. – № 6 (102). – С. 68–73.

2. Боброва В.С. Сибирь как база для эвакуации архивных документов в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2008. – № 311. – С. 58–65.
3. Рядченко Е.А. На передовой архивного фронта: трудовой подвиг архивистов тыла в годы Великой Отечественной войны // Архив в социуме – социум в архиве: материалы третьей регион. науч.-практ. конф. – Челябинск, 2020. – С. 25–29.
4. Цаплин В.В. Подвиг архивистов // Советские архивы. – 1968. – № 32. – С. 63–70.
5. Переписка с учреждениями по эвакуированным материалам, хранящимся в Государственном архиве Молотовской области // ГАПК. Ф. р-121. Оп.1. Д.128.
6. Документальное наследие страны во время войны хранилось в Перми. Рукопись Л.П. Шадринной // ГАПК. Ф. р-3. Оп.6. Д.351.
7. Переписка о кадрах, распоряжения начальника архивного отдела т. Фесенко по личному составу и заявления сотрудников за 1942 г. // ГАПК. Ф. р-121. Оп.1. Д.120.
8. Переписка с Центральным государственным архивом Октябрьской революции и заключение по осмотру состояния документальных материалов ЦГАОР, эвакуированных в г. Молотов // ГАПК. Ф. р-121. Оп.1. Д.127.
9. Циркуляры и другие методические указания ГАУ НКВД СССР за 1943 г. о проведении обследования состояния хранения документальных материалов архивов, эвакуированных в тыл страны // ГАПК. Ф. р-121. Оп.5. Д.20.
10. Паспорт Молотовского Областного Государственного архива на 1941, 1942, 1943 гг. // ГАПК. Ф. р-121. Оп. 5. Д. 42.
11. Докладные записки начальника отдела государственных архивов УНКВД по Молотовской области о работе отдела за 1940-1943 гг. // ГАПК. Ф. р-121. Оп.5. Д.25.

References

1. Nechaev M.G. Evakuatsiia leningradskikh predpriatii, uchrezhdenii i naseleniia v Mo-lotovskuiu (Permskuiu) oblast', ikh razmeshchenie i deiatel'nost' v period Velikoi Otechestvennoi voiny [Evacuation of Leningrad enterprises, institutions and population to the Molotov (Perm) region, their location and activities during the Great Patriotic War]. *Klio*, 2015, no. 6 (102), pp. 68–73.
2. Bobrova V.S. Sibir' kak baza dlia evakuatsii arkhivnykh dokumentov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Siberia as a base for the evacuation of archival documents during the Great Patriotic War]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 311, pp. 58–65.
3. Riadchenko E.A. Na peredovoi arkhivnogo fronta: trudovoi podvig arkhivistov tyla v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [At the forefront of the archival front: the labor feat of the archivists of the home front during the Great Patriotic War]. *Arkhiv v sotsiume – sotsium v arkhive: materialy tret'ei regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Cheliabinsk, 2020, pp. 25–29.
4. Tsaplin V.V. Podvig arkhivistov [The Feat of Archivists]. *Sovetskie Arkhivy*, 1968, no.32, pp.63–70.
5. Perepiska s uchrezhdeniiami po evakuirovannym materialam, khраниashchimsia v Gosudarstvennom arkhive Molotovskoi oblasti [Correspondence With Institutions on Evacuated Materials Stored in the State Archives of the Molotov Region]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia (GAPK)*, f. 121, op.1, d.128.
6. Dokumental'noe nasledie strany vo vremia voiny khranilos' v Permi [The Country's Documentary Heritage During the War was Kept in Perm]. Rukopis' L.P. Shardinnoi. *GAPK*, f.3, op.6, d.351.
7. Perepiska o kadrah, rasporyazheniia nachal'nika arkhivnogo otdela t. Fesenko po lichnomu sostavu i zaiavleniia sotrudnikov za 1942 g. [Correspondence About Personnel, Orders of the Head of the Archives Department, Comrade Fesenko, on Personnel and Statements of Employees for 1942]. *GAPK*, f.121, op.1, d.120.
8. Perepiska s Tsentral'nym gosudarstvennym arkhivom Oktiabr'skoi revoliutsii i zakliuchenie po osmotru sostoiianiia dokumental'nykh materialov TsGAOR evakuirovannykh v g. Molotov [Correspondence with the Central State Archives of the October Revolution and a Conclusion on the Examination of the State of Documentary Materials of the TsGAOR evacuated to Molotov]. *GAPK*, f.121, op.1, d.127.
9. Tsirkuliary i drugie metodicheskie ukazaniia GAU NKVD SSSR za 1943 g. o provedenii obsledovaniia sostoiianiia khraneniia dokumental'nykh materialov arkhivov, evakuirovannykh v tyl strany [Circulars and Other Guidelines of the GAU NKVD of the USSR for 1943 on the Survey of the State of Storage of Documentary Materials from Archives Evacuated to the Rear of the Country]. *GAPK*, f.121, op.5, d.20.
10. Pasport Molotovskogo Oblastnogo Gosudarstvennogo arkhiva na 1941, 1942, 1943 gg. [Passport of the Molotov Regional State Archives for 1941, 1942, 1943]. *GAPK*, f.121, op. 5, d. 42.
11. Dokladnye zapiski nachal'nika otdela gosudarstvennykh arkhivov UNKVD po Molotovskoi oblasti o rabote otdela za 1940-1943 gg. [Memoirs of the Head of the Department of State Archives of the NKVD in the Molotov Region on the Work of the Department for 1940-1943]. *GAPK*, f.121, op.5, d.25.